

ность выявления межобразных, парадигматических связей и отношений, структура которых становится своеобразной проекцией структуры сознания носителя традиционной картины мира.

Р. И. Козлов

К вопросу о прецедентных топонимах

Прецедентными, вслед за Ю. Карауловым, называем тексты, имеющие сверхличностный характер, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности»⁷¹. Феномен прецедентных текстов – часть широкого круга явлений (языковых и внеязыковых), основанных на апелляции говорящего к сверхличностному опыту, традиции и т.д. Переводя эту проблему в область топонимии, предварительно условимся прецедентным для данного топонима считать сверхличностный (устойчивый, воспроизводящийся) текст, в который он включен. Такие топонимы – назовем их прецедентными – являются прежде всего частью некоторой группы названий, происхождение которых не мотивировано только собственными свойствами номинируемого объекта. Они обязаны своим появлением прежде всего специфическим культурным и (или) языковым стереотипам номинатора, экстралингвистическим знаниям, обуславливающим его языковую картину мира. Соответственно, значение топонимов этой группы не ограничивается собственно топонимическим; они несут некоторую дополнительную лингвокультурную информацию. Так, например, в значение широко распространенного гидронима *Дунай* может входить (в зависимости от аспекта анализа) информация о личном опыте номинатора (или опыте коллективного номинатора – например, об участии в военных действиях), компоненты концепта, созданного на базе представлений об исходном референте этого названия (в данном случае «европейского» Дуная) и т.д. Однако только на основании семантического критерия выделения невозможно обозначить границы этой группы. В нее попадут и топонимы перенесенные (пос. *Фершампенуаз* Челябинской области); вторичные топонимы, восходящие к стереотипическим или концептуализированным онома, т. е. таким, на базе

---

⁷¹ *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 287.

которых создан концепт – устойчивый набор семантических компонентов, актуализируемых при использовании данного имени (названия населенных пунктов, урочищ *Москва, Питер*, гидроним *Дунай* и т.п.); и другие, удовлетворяющие указанному критерию. Однако этими очевидными типами, учитывая их разнородность, описываемая группа не определяется и их совокупностью не исчерпывается. Сама необходимость выделения определенной группы собственных имен (и, в частности, топонимов, обладающих некоторой дополнительной семантикой) не вызывает сомнения и достаточно актуальна для этнолингвистических исследований разного рода⁷². Так, в материале, служащем основанием для идей «лингвострановедов», присутствует топоним *Москва* как «входящий в лингвострановедческие фоновые знания носителя данного языка и культуры»⁷³. Однако критерии такого выделения весьма дискуссионны, т. к. диктуются различиями в осмыслении информации, относящейся непосредственно к сфере духовной культуры – специфического типа внеязыковой информации в противопоставлении собственно языковой. Речь идет о различных подходах к изучению структуры значения имени и его функционирования.

Значимый критерий, позволяющий точнее определить рамки группы прецедентных топонимов, предлагает концепция языковой личности, разработанная Ю.Н. Карауловым. В рамках этой концепции критерием выделения новой подгруппы может выступать (при традиционном взгляде от говорящего, т. е. в данном случае – номинатора) соотносительность с определенным прецедентным текстом либо (при взгляде от слушающего, т.е. воспринимающего имя) способность быть развернутым в некий специфический интерпретирующий текст. В первом случае это может быть карта или перечень названий⁷⁴, во втором – фольклорные тексты, фиксированные фрагменты дискурса, содержащие интер-

---

⁷² См.: *Березович Е.Л.* Этнолингвистическая проблематика в работах по ономастике (1987–1997 гг.) // Изв. Урал. ун-та. Сер. гум. наук. Екатеринбург, 1998. Вып.2 (в печати).

⁷³ *Томашин Г.Д.* Топонимы США в лингвострановедческом аспекте // *Топонимия и общество*. М., 1989. С.82–98.

⁷⁴ См.: *Николаева Т.М.* Единичи языка и теория текста // *Исследования по структуре текста*. М., 1967. С.38–39; работы В.Н.Топорова, в частности: *Топоров В.Н.* Из области теоретической топономастики // *Вопр. языкознания*. 1962. №2. С.11.

претацию топонимов. Важно подчеркнуть представление о прецедентных словах как о компрессированном, свернутом тексте, которое применимо и к топонимам. Ср. название руч. *Матренин Квас*, развертываемое в ситуацию, описываемую в текстовой парадигме: *Матрена поставила квас, а он у ей заквасился и потек; Матрена из этого ручья гостей угощала, водой вместо кваса-то* – и т.д.

Поскольку дополнительное топонимическое значение (как бы ни формулировалось его определение и как бы ни виделась его структура) имеет имплицитный характер, изучению необходимо подвергнуть прежде всего функционирование топонимов в топонимической системе и в дискурсе (в зависимости от положения исследователя в оппозиции «говорящий–номинатор» – «слушающий–интерпретатор») – там, где они включаются в целое, имеющее текстовую природу. Наибольшей разрешающей силой будет, очевидно, обладать комплексный подход, объединяющий эти противопоставленные аспекты: он позволит хотя бы частично компенсировать априорную недостаточность материала (любой набор прецедентных текстов вряд ли может считаться достаточным для исчерпывающего описания значения топонима). Таким образом можно будет открыть для изучения информацию, относящуюся к разным уровням структуры значения топонима, о которой нет общеприятного представления.

Так, анализ контекстов, интерпретирующих топонимы, позволяет делать предположения о том, что связь между семантикой названия и свойствами номинированного объекта опосредована стереотипическим прецедентом (ср.: *На горе стоит – вот и Вавилон; Ад – это у нас самая дальняя пожня; Туда идешь – все на себе тащишь*), а также о том, что сама номинация была обусловлена концептуальной природой прецедента (*Не доходя до Ада болото есть: проклятое, гиблое место*). Представления об аде и Вавилоне, выявляемые из приведенных контекстов, входят в систему внеязыковых, культурных представлений носителей производных – прецедентных – топонимов; без отсылки к этой системе они не могут быть интерпретированы.

Интересный аспект изучения прецедентных топонимов представляют специфические микросистемные связи, закрепляющиеся в текстовой форме (*Дорога в Ад через Молебское идет; старики шутили: «Помолишься – и в Ад»*). Несмотря на то, что при анализе дискурса невозможно установить, являются ли эти связи первичными (т. е., свой-

ственными самой модели формирования микросистемы) или же возникают при осмыслении, интерпретации микросистемы, очевидно, что сама способность поддерживать существование сверхличностного, прецедентного текста (*старика шутили*) указывает на актуальность этих связей для языковой личности носителя данной системы названий.

Комплексное изучение функционирования топонимов в различных видах топонимических текстов поможет выделить некоторые свойства группы топонимов, обладающих дополнительным значением, в частности – топонимов, имеющих прецедентную природу.

Н.В.Гультыева

Особенности словоупотребления в заговорных текстах

В данной статье рассматриваются особенности словоупотребления в заговорном тексте в связи с его функциональной направленностью и ритмической структурой. Источником материала послужили заговоры, извлеченные из сборника Л.Н.Майкова «Великорусские заклинания»⁷⁵, а также тексты заговоров, бытующих на территории Среднего Урала, собранные студентами и преподавателями Уральского университета во время фольклорных экспедиций и хранящиеся в фольклорном архиве кафедры русской литературы и фольклора (далее – ФА, затем указывается район и год фиксации).

Как и русская народная лирическая песня, заговорный текст часто строится по принципу параллелизма. Параллелизм может выступать в заговорных текстах в качестве основного композиционного приема, определяя структуру заговора в целом, либо в качестве вспомогательного приема, организуя отдельные текстовые фрагменты. Параллельная конструкция предполагает, как правило, сопоставление двух картин: картины природы и факта, события человеческой жизни. Назовем первую описываемую ситуацию *прототипической*, вторую – *желаемой*. В лирической песне функцией параллели является, по мнению исследователей, создание определенного эмоционального настроения и проекция его на основную, «человеческую» часть песенного произведения с целью

---

⁷⁵ См.: Великорусские заклинания: Сборник Л.Н.Майкова / Послесл., прим.и подг. текста А.К.Байбурина. СПб., 1994 (далее – *Майков*).